

Легитимность демократии в работах Макса Вебера и Карла Шмитта

В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев

Для цитирования: *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Легитимность демократии в работах Макса Вебера и Карла Шмитта // Правоведение. 2018. Т. 62, № 3. С. 501–517.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu25.2018.305>

Отождествление легальности и легитимности политического режима немецким юристом Карлом Шмиттом — почти столь же интересная попытка решения проблемы несправедливых законов, как и идея необходимости легитимации власти, сформулированная Максом Вебером. Популярность парадигмы легитимности в рамках развития политико-правового дискурса в направлении обеспечения рационального правления часто сопряжена с недооценкой исследователями роли харизматической легитимации демократии при ее сопоставлении с легально-бюрократическим обоснованием правления. Отмечая, что рациональность — самая важная и вместе с тем наименее аргументированная оставляющая социальной теории М. Вебера, следует с осторожностью оценивать потенциал бюрократии в вопросах обеспечения идеалов правового государства. Если позиции К. Шмитта по поводу соотношения легальности и легитимности менялись вместе с развитием политических событий XX в., то идеи М. Вебера развивались за счет систематизации его научного наследия, в ходе которой переводы работ с немецкого языка придавали легитимности все более хрестоматийное содержание. Исторический опыт, однако, показал, что существенное снижение вероятности применения неправовых законов требует такого состояния правовой культуры граждан и власти, которое не только позволит им ставить под сомнение всякое формальное предписание закона и проверять его на предмет легитимности, но и даст возможность гражданам оценивать легальность любого демократического решения до его претворения в жизнь. Понимание легитимности демократии во многом зависит от идеологии, доминирующей в социуме, и правовой культуры субъекта, оценивающего политический режим. В контексте политических ошибок первой половины XX в. очевидна опасность недооценки угроз правовому государству, исходящих как от нелегитимной власти, так и от противоправных политических решений, принятых демократическим путем. Исторический опыт в условиях современной демократии подчеркивает необходимость широкого понимания принципа правового государства, который одновременно защищает формальную легальность, справедливость и легитимность политического режима.

Ключевые слова: правовое государство, справедливость, законность, правление, мотивация, господство, лояльность.

Введение. Актуальность исследования проблем массовой демократии подчеркивает Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 (A/70/L.1) «Пре-

Кириленко Виктор Петрович — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43; v.waas@yandex.ru

Алексеев Георгий Валерьевич — канд. юрид. наук, доц., Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43; deltafox1@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

образование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹, которая подтверждает приверженность государств — членов ООН принципам демократии, эффективного управления и верховенства права (п. 9). Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш (*Antonio Manuel de Oliveira Guterres*) справедливо отмечает, что поиск путей оживления демократии и решения системных проблем, с которыми она сталкивается, «предполагает борьбу с неравенством — как в экономической, так и в политической сферах»². Доктрина международного права и представители политического класса на национальном уровне последовательно декларируют приверженность идеалам демократии и правового государства. Подавляющее большинство развитых государств защищают принципы правового и демократического государства на конституционном уровне.

Легитимность массовой демократии обеспечивается политическими институтами в рамках конституционной и административной нормативной базы, а также телеологического поля жизни общества³. Однако результат имплементации демократических практик в общественные политические отношения еще не означает торжества правового государства. Исторический опыт функционирования общественных институтов показывает, что применение демократических процедур само по себе не гарантирует эффективную защиту либеральных ценностей и устойчивое развитие институтов гражданского общества. Органы государственной власти обязаны обеспечивать легальность и легитимность решений, принимаемых демократическим путем, нейтрализуя при этом критические угрозы национальной безопасности, исходящие от некоторых иррациональных политических решений.

Актуализация республиканской теории свободы в политической мысли позднего капитализма отражает проблемы социально-экономической мотивации и становится центральной частью гипотезы о кризисе легитимности, возникшем вследствие сомнений относительно справедливости принципов господства (доминирования) в условиях современной демократии⁴ и неопределенности понятийного аппарата⁵. Влияние свободы и равноправия на качество демократических процессов является предметом сравнительного анализа подходов Макса Вебера (*Maximilian C. E. Weber*) и Карла Шмитта (*Carl Schmitt*) к причинам подчинения граждан решениям власти и способам легитимации политического режима.

А. В. Поляков справедливо отмечает, что «феномен реификации вообще создает впечатление, что легитимность существует независимо от отношения к норме права отдельного человека»⁶. До тех пор, пока легальность в бюрократи-

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 27.04.2019).

² Послание Генерального секретаря по случаю Международного дня демократии от 15.09.2018. URL: <https://www.un.org/sg/ru/content/sg/statement/2018-09-15/secretary-generals-message-international-day-democracy-scroll-down> (дата обращения: 27.04.2019).

³ *Kalyvas A. Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt. Cambridge: Cambridge University Press, 2009; Kelly D. The State of the Political: Conceptions of Politics and the State in the Thought of Max Weber, Carl Schmitt, and Franz Neumann. Oxford: Oxford University Press, 2003; Barnard F. M. Democratic Legitimacy: Plural Values and Political Power. McGill-Queen's University Press, 2001. P. 26.*

⁴ *Pettit P. Freedom in Hobbes's Ontology and Semantics: A Comment on Quentin Skinner // Journal of the History of Ideas. 2012. Vol. 73, no. 1. P. 111–126.*

⁵ *Рошин Е. Н. История понятий Квентина Скиннера // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 150–158.*

⁶ *Поляков А. В. Признание права и принцип формального равенства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 6. С. 64.*

ческих системах обеспечивается государственным аппаратом формально, любой современный демократический режим будет сталкиваться с трудностями в мотивации активности субъектов правовых отношений, которые известный немецкий социолог Юрген Хабермас (*Jürgen Habermas*) обозначил как «легитимационную проблему»⁷. Сомнения в законности и справедливости политэкономических решений демократического государства создают кризис легитимности, который дополняется постоянно растущими социальными запросами и требованиями. Кризис мотивации изменяет социокультурную систему производства и потребления благ, создавая проблемы для нормального функционирования демократических институтов государства.

Дискурсивный анализ вопроса легитимности демократии отражает проблемы обеспечения равноправия и справедливости в современном обществе. Комментируя кризис легитимности, известный немецкий политолог Армин Шефер (*Armin Schäfer*) отмечает: в начале 1970-х гг. ученые не считали правдоподобным предположение о том, что капитализм может погибнуть в экономических кризисах, поскольку в послевоенные десятилетия западным демократиям удалось разрядить классовый конфликт, а также преодолеть экономические трудности⁸. Несмотря на некритический характер проблемы низкой мотивации при растущем недоверии к демократическим образом избранной власти, длительное и системное игнорирование легитимационной проблемы на уровне реальной политики стало причиной разрушения многих традиционных структур гражданского общества и создает препятствия на пути устойчивого развития международной системы. Формирования правовой культуры, позволяющей гражданам правильно оценивать легальность и легитимность политического режима, можно достичь, как представляется, за счет более точного понимания принципов господства и формы правления в современном обществе.

По мнению Н. С. Розова, в современных условиях в том, что касается легитимности власти, классического веберовского различения недостаточно. Он предлагает новую типологию легитимности: «...по субъекту (популярная, силовая, авторитетная, международная) и по основанию (фактическая, правовая, в том числе формально-правовая легальность и общеправовая легитимность)»⁹. Оставляя за рамками настоящего исследования вопрос об актуальности подобных предложений, считаем важным предметное исследование того, что собственно понималось под термином «легитимность» юристами, воспринявшими патетичную риторику М. Вебера, который определил государство как институт, обладающий монополией на легитимное применение насилия на определенной территории¹⁰.

Принципиальный характер проблемы с практическим применением классических способов легитимации насилия со стороны публичной власти обусловлен утратой многообразия в административной практике. Восприняв рациональность легально-бюрократической легитимации М. Вебера как императив легальности власти¹¹, современные политические структуры существенно сузили пространство для демократии. Констатируя дефицит демократии в условиях глобального

⁷ Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1973. S. 53–59.

⁸ Schäfer A. Krisentheorien der Demokratie Unregierbarkeit, Spätkapitalismus und Postdemokratie. Köln: Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung, 2008. S. 12.

⁹ Розов Н. С. Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 90.

¹⁰ Weber M. Politik als Beruf (1919). Reclam, 1992. S. 1.

¹¹ Truong N. Institutions Without Belief: Incalculability and Legitimate Domination Under the Chinese Communist Party // Asian Politics & Policy. 2017. Vol. 9, no. 4. P. 636–645.

управления (*global governance*), британский юрист Стивен Уитли (*Steven Wheatley*) пишет: «Внутри государства теперь признается, что легитимность права зависит от институционализации демократических процедур. Легальность в международном праве обеспечивается выражением суверенной воли и согласием всех государств»¹². Поскольку такого всеобщего согласия в мировом сообществе по ряду политических вопросов не наблюдается, кризис легитимности дополняется кризисом легальности, а субъект, ответственный за результаты глобального управления, достаточно часто остается неизвестным.

Дискурс вокруг легальности и легитимности в немецкой юридической науке 1930-х гг. оказал значительное влияние на правовую культуру современного демократического общества. Известный немецкий юрист Отто Кирхгеймер (*Otto Kirchheimer*) начинает свое эссе «Легальность и легитимность» (1932) со слов: «Каждая социальная система нуждается в определенной легитимации и стремится, как Макс Вебер выражал это в работе “Экономика и общество”, превратиться из набора фактических отношений власти в космос приобретенных прав»¹³.

О. Кирхгеймер, как и М. Вебер, последовательно высказывался против чрезмерной бюрократизации: «Бюрократия стремится занять свою позицию “вне класса”. Она является независимым представителем национального порядка, независимым от всех социальных и политических возможностей (*constellation*). Бюрократия стремится к легитимации этой позиции власти в особых отношениях между государственной службой и государством, как будто можно обойтись без посредничества демократической концепции народного суверенитета»¹⁴. Приверженность народному суверенитету и демократии выходит далеко за рамки воззрений немецкого конституционного права¹⁵ и отражает потребность в системе юридически значимой оценки легитимности управленческих решений власти. Однако многие позитивисты, в том числе Ганс Кельзен (*Hans Kelsen*) и Герберт Харт (*Herbert L. A. Hart*), как и К. Шмитт в своих ранних работах, старались оптимизировать систему общественного контроля над властью до уровня проверки в основном легальности административных практик, формальных норм права и судебных решений. При этом легальность отождествлялась со справедливостью, но не сводилась к правовому формализму.

Особое внимание М. Вебера к различным формам управления (*Führung*) и скептическое отношение к бюрократии как способу борьбы с статусными привилегиями в обществе лишь подчеркивают его приверженность идеалам «массовой демократии» (*Massendemokratie*)¹⁶ в ее стремлении вытравить пережитки феодализма и традиции передачи власти по наследству. Всякие попытки представить легально-бюрократическую легитимацию как некое торжество правовой рациональности будут не совсем корректным решением проблемы соотношения демократии и бюрократии в правовом государстве¹⁷. М. Вебер, характеризуя политические процессы бюрократии в демократических условиях, пишет: «Естественно,

¹² *Wheatley S.*: 1) A Democratic Rule of International Law // *The European Journal of International Law*. 2011. Vol. 22, no. 2. P. 527; 2) *The Democratic Legitimacy of International Law*. Oxford: Hart Publishing, 2010. P. 6.

¹³ *Kirchheimer O.* Legality and Legitimacy // *The Rule of Law under Siege: Selected Essays of F. L. Neumann and O. Kirchheimer* / ed. by W. E. Scheuerman. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1996. P. 34.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Specter M.* Grossraum and Geopolitics: Resituating Schmitt in an Atlantic Context // *History and Theory*. 2017. Vol. 56, no. 3. P. 398–406.

¹⁶ *Weber M.* *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr, 1922. S. 130.

¹⁷ *Fantuzzo J.* A Course Between Bureaucracy and Charisma: A Pedagogical Reading of Max Weber's Social Theory // *Journal of Philosophy of Education*. 2015. Vol. 49, no. 1. P. 45–64.

что сторонники бюрократии, свободной от всякого контроля, радуются тому, что один тип демократии противопоставляется другому»¹⁸. Образ «стальной клетки» (нем. *stahlhartes Gehäuse*, англ. *iron cage*)¹⁹ в теории рационального хозяйства не оставляет сомнений в понимании опасностей легальной бюрократии внутри предметного дискурса легальности.

В работе «Легальность и легитимность» К. Шмитт, решая проблему легитимности демократии, старается дистанцироваться от социологии М. Вебера, так как она недостаточно определена для построения управляемой законами (легальной) социальной системы. Однако, не соглашаясь с самой возможностью противопоставления легальности и легитимности, К. Шмитт исходит из положений социологии М. Вебера: «Эта легальность может выступать как легитимность, [так как] самая распространенная сегодня форма легитимности — это вера в легальность»²⁰. К. Шмитт, критикуя позицию М. Вебера о легитимной харизматической демократии, пишет: «Здесь они обе — и легитимность, и легальность — сводятся к общему понятию легитимности, хотя легальность означает именно противоположность легитимности»²¹.

Дальнейший анализ легальности демократии К. Шмитт строит, признавая правильной формулировку статьи О. Кирххеймера «Легальность и легитимность», где отмечается, что легитимность парламентской демократии «состоит лишь в ее легальности», и достаточно часто «легальное ограничение открыто приравнивается к легитимности»²². Однако К. Шмитт отмечает, что «словоупотребление зашло уже настолько далеко, что легальное как нечто “лишь формальное” и действительно легитимное воспринимаются в нем как противоположности»²³. Отрицательная реакция самого О. Кирххеймера на критику М. Вебера со стороны К. Шмитта отражена в статье «Заметки о легальности и легитимности К. Шмитта»²⁴, где приводится ряд аргументов в защиту демократических институтов в основе легитимности.

Во-первых, О. Кирххеймер критикует узкое видение демократии: «Шмитт определяет демократию как фундаментальный принцип принятия решений на основе простого большинства. Он утверждает, что демократия может быть оправдана только в контексте гомогенного общества. Но в противовес Шмитту нам нужно иметь в виду, что принцип равенства сам по себе не является достаточным основанием для демократии; она не обязательно следует из равного отношения ко всем членам общества»²⁵. Здесь фактически демократию предлагается понимать шире, чем признание законом результатов голосования, так как представительная демократия всегда отражает структуру общества.

Во-вторых, О. Кирххеймер, полагаясь на принцип правления большинства в том виде, в каком он сформулирован Г. Кельзенем, старается оспорить те аргументы, опираясь на которые К. Шмитт последовательно отвергает демократию

¹⁸ Weber M. Weber: Political Writings / ed. by P. Lassman; transl. by R. Speirs. Cambridge, 1994. P. 126.

¹⁹ Ibid. P. XXVII.

²⁰ Шмитт К. Легальность и легитимность // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 179.

²¹ Schmitt C. Legalität und Legitimität. München: Duncker & Humblot, 1932. S. 12.

²² Kirchheimer O. Legalität und Legitimität // Kirchheimer O. Politische Herrschaft. Fünf Beiträge zur Lehre vom Staat (1932). Frankfurt a/M., Suhrkamp, 1967. S. 7–23.

²³ Schmitt C. Legalität und Legitimität. S. 16.

²⁴ Kirchheimer O. Remarks on Carl Schmitt's Legality and Legitimacy // The Rule of Law under Siege. P. 64–100.

²⁵ Ibid. P. 64. — Однако Ганс Кельзен настаивал на том, что правление большинства оправдано, только если демократия понимается как задача по реализации равноправия и свободы одновременно (Kelsen H. Vom Wesen und Wert der Demokratie. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1929. S. 9).

как основу единой теории легитимности-легальности. Предположение о том, что «кто бы ни занимал позицию большинства (51 % голосов), не способен совершать несправедливость, так как он просто приписывает своим действиям статус закона и законности»²⁶, действительно сводит концепцию функционального принципа законности *ad absurdum*²⁷, лишая ее всякого юридического содержания. Вместе с тем для того чтобы в практической политике легальность и легитимность решений совпадали по правовому содержанию, необходимы как минимум три условия: демократический порядок принятия решения, обеспечение свободы и гарантии равноправия. Функция демократии здесь может сводиться к правовой процедуре, нацеленной на достижение справедливости в условиях свободы и равноправия.

В 1996 г. американский политолог Уильям Шойерман (*William E. Scheuerman*) издал сборник статей «Правовое государство в осаде» (*The Rule of Law under Siege*), где подробно воспроизводится развивавшийся в середине XX в. дискурс соотношения легальности и легитимности, который наглядно демонстрирует влияние проблем с политической свободой на реализацию идеалов правового государства²⁸. Сравнительное исследование социологической аргументации легитимности в концепции массовой демократии М. Вебера с правовой парадигмой легитимности К. Шмитта показывает, что демократический режим может выступать как объектом легитимации, так и средством обеспечения персональной и институциональной легитимности, обеспечивая эффективную правовую коммуникацию между народом и государственным аппаратом, создавая согласие в обществе по вопросам политического участия и его приоритетным легальным формам.

Концепция законности М. Вебера допускает признание легальности демократических революционных преобразований²⁹. «Революционная диктатура в равной степени игнорирует и традиционную легитимность, и официальную законность. Правосудие и управление... находят свою соответствующую параллель в революционных трибуналах и постулатах материальной справедливости радикальной демократии в древности и современном социализме (что должно быть рассмотрено в социологии права)»³⁰. В свою очередь, концепция легальности К. Шмитта утверждает, что демократия не может функционировать в гетерогенном обществе, так как не позволяет всем людям действовать универсально легальным образом, опираясь на закон³¹. Таким образом, если у М. Вебера демократия — это способ в том числе харизматической легитимации новых политических институтов и норм права в процессе революции, то у К. Шмитта демократия и политическая свобода скорее угрозы той рациональной законности, которую установило и поддерживает государство.

По нашему мнению, следует подчеркнуть стремление М. Вебера дистанцироваться от формальных правовых норм, которое обусловлено попыткой рассматривать правовые отношения за рамками классического позитивизма, свойственного юридической практике. Очевидно, что формального закона недостаточно для того, чтобы заставить людей подчиняться, однако развитие дискурса легитимности привело к признанию закона достаточным авторитетом для того, чтобы все ему следовали. Фактически отождествляя законность и справедливость, К. Шмитт не соглашается с М. Вебером в том, что существуют иные (помимо права) авто-

²⁶ *Schmitt C. Legalitat und Legitimitat. S. 31.*

²⁷ *Ibid. S. 33.*

²⁸ *The Rule of Law under Siege: Selected Essays of Franz L. Neumann and Otto Kirchheimer / ed. by W. E. Scheuerman. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1996.*

²⁹ *The Anthem Companion to Max Weber / ed. by A. Sica. Anthem Press, 2016. P. 54.*

³⁰ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 157.*

³¹ *Schmitt C. Legalitat und Legitimitat. S. 34.*

ритеты, способные гарантировать справедливость при подчинении чужой воле. Вместе с тем в современном правовом государстве демократические процедуры обрели именно такой авторитет.

Центральное различие во взглядах М. Вебера и К. Шмитта на принцип законности — их отношение к формализованному в законе авторитету власти, который М. Вебер постоянно ставит под сомнение, будучи убежденным демократом. К. Шмитт, в свою очередь, ставит под сомнение законность самой демократии, отождествляя легальность и легитимность. В ранних работах К. Шмитт объединяет не только легальность и легитимность, но и легальность и справедливость, подчеркивая опасность несправедливости решений, принятых демократическим путем. Легитимные ограничения свободы со стороны властей фактически всегда обусловлены соображениями справедливости и определяются ее политическим пониманием. Немецкий юрист и политолог Франц Ньюман (*Franz Leopold Neumann*), полагая, что политическая свобода не имеет никаких легитимных альтернатив, писал: «Юридически гражданские свободы устанавливают презумпцию в пользу личности и против принудительной власти государства. Это не более чем презумпция, потому что нет и не может быть политической системы, которая абсолютно и безоговорочно признает сферу свободы человека»³². Именно в вопросе ограничений свободы легитимность М. Вебера развивает социологию права путем разработки теоретического обоснования логики подчинения авторитету политической системы, выполняющей функции законодателя.

Правовое осмысление законов подчинения в работе М. Вебера «Экономика и общество» значительно затруднено целым рядом обстоятельств: от объемной трудности перевода научного текста с немецкого языка до субъективных и политических аспектов в интерпретации оригинального текста³³. Несмотря на то что при жизни М. Вебера эта работа не имела законченной литературной формы, именно в ней обстоятельно раскрывается теория трех типов легитимации власти: харизматического, традиционного и легально-бюрократического.

Широко известна убежденность Макса Вебера в том, что легитимность в контексте всех форм господства (доминирования или правления) «должна рассматриваться только лишь как вероятность (*Chance* — шанс) того, что она в некоторой степени существует и будет воплощаться в реальном поведении»³⁴. У К. Шмитта тот же, по сути аналогичный, подход к обеспечению легитимности, которую он, сводя к легальности, анализирует в рамках поля актуальных политических возможностей. Критикуя сам принцип демократического принятий решений, К. Шмитт озаглавил параграф исследования легальности и легитимности как «Легальность и равные шансы на получение власти политическим путем»³⁵. Фактическое сходство концепций легитимности М. Вебера и К. Шмитта состоит в том, что обретение власти подчиняется тем же законам вероятности, от которых зависит содержание позитивного права, различна лишь оценка справедливости вероятностных решений.

Если отрицательное отношение К. Шмитта к вероятностным аспектам демократии значительно изменялось по мере развития исторического процесса в XX в.,

³² *Neumann F. L.* The Concept of Political Freedom // *Columbia Law Review*. 1953. Vol. 53, no. 7. P. 918.

³³ *Derman J.* Max Weber in Politics and Social Thought: From Charisma to Canonization. Cambridge: Cambridge University Press, 2012; *Emden C. J.* Max Weber in Politics and Social Thought: From Charisma to Canonization // *German History*. 2014. Vol. 32, no. 3. P. 486–487; *Kadane M., Derman J.* Max Weber in Politics and Social Thought: From Charisma to Canonization // *The American Historical Review*. 2014. Vol. 119, no. 2. P. 486–487.

³⁴ *Weber M.* *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 157.

³⁵ *Schmitt C.* *Legalität und Legitimität*. S. 34.

то работа М. Вебера «Экономика и общество» оставалась неизменным академическим эталоном научного осмысления феномена легитимности власти. Вместе с тем научный анализ взаимосвязи концептов «демократия» и «легитимность» демонстрирует существенные проблемы в научном понимании положений, образующих смысловое ядро третьей главы работы «Экономика и общество».

Сравнительный анализ немецкого оригинала текста работы «Экономика и общество» с английским и российским переводами показывают активность в предметной области герменевтики, очевидно, нацеленную на более правильное понимание смысла суждений М. Вебера о легитимности. Однако научный интерес и производное от него разнообразие подходов к проблеме легитимности порой приводят к обратному результату в силу сложности социально-экономического контекста всего исследования и тонкого юридического подтекста легитимности в немецком оригинале. Так, у М. Вебера третья глава называется «Die Typen der Herrschaft», в английском переводе «The Types of Legitimate Domination», а в русском — «Типы господства».

Разница в прочтениях оригинала текста М. Вебера не заканчивается названием, она затронула весь дискурс легитимности. Например, сравнительный анализ переводов небольшого, но весьма показательного фрагмента текста начала третьей главы работы «Экономика и общество» демонстрирует возможность различного понимания взглядов М. Вебера на причины подчинения в процессе легитимации любой формы правления, в том числе демократии. Русский перевод: «Подчинение может имитироваться как отдельными лицами, так и группами по чисто оппортунистическим соображениям, оно может иметь место по практическим материальным причинам или по причине индивидуальной слабости и беспомощности»³⁶. Перевод того же фрагмента текста на английский язык значительно отличается по смыслу: «Лояльность может лицемерно симулироваться отдельными лицами или целыми группами по чисто оппортунистическим основаниям или практиковаться по причинам материальной заинтересованности. Или люди могут подчиняться вследствие индивидуальной слабости и беспомощности, потому что нет приемлемой альтернативы»³⁷.

Оригинальный немецкий текст работы «Экономика и общество» издания 1922 г. содержит другой вариант прочтения того же фрагмента: «Покорность каждого или целых групп может стать следствием притворства из оппортунистических установок, практики реализации собственного материального интереса, индивидуальной слабости и беспомощности, принимающих неизбежное»³⁸.

Отличия в переводах не ограничиваются литературным стилем и затрагивают по крайней мере коннотацию этого фрагмента. Из текста оригинала складывается представление, что описывается целостный комплекс мотивации поведения подвластного субъекта, соблюдающего закон по следующим причинам: это выгодно, способности эффективно сопротивляться у подчиненного нет, а удобный случай оспорить доминирующий авторитет ему пока не представился. Однако у этого фрагмента обычно совершенно другие интерпретации.

³⁶ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / пер. с нем., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: ВШЭ, 2016. Т. 1. С. 254.

³⁷ «Loyalty may be hypocritically simulated by individuals or by whole groups on purely opportunistic grounds, or carried out in practice for reasons of material self-interest. Or people may submit from individual weakness and helplessness because there is no acceptable alternative» (Weber M. Economy and Society. New York: Bedminster Press, 1968. P. 214).

³⁸ «Fügsamkeit kann vom einzelnen oder von ganzen Gruppen rein aus Opportunitätsgründen geheuchelt, aus materiellem Eigeninteresse praktisch geübt, aus individueller Schwäche und Hilflosigkeit als unvermeidlich hingenommen werden» (Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 123).

Во-первых, из английского перевода (в результате использования разделительного союза «или») следует, что логика рационального правления предполагает противопоставление осознанного оппортунизма и материальной заинтересованности, при которых индивид сам принимает решение о подчинении, ситуации, когда культурный капитал подчиненного субъекта социального взаимодействия исключает возможность выбора между тем, следовать или не следовать доминирующему авторитету. В результате редукции текста оригинала в русском переводе этот смысл представляется полностью утраченным. Также из-за переструктурирования предложений в английском переводе теряется имплицитный смысл оригинального текста, который отражает возможность политической беспомощности отдельных социальных групп.

Во-вторых, значение немецкого слова *Opportunitätsgründen* переведено на русский с негативной коннотацией словосочетанием «чисто оппортунистические соображения», что недостаточно ясно отражает гипотетическую разумность и рациональность оппортунистских взглядов. Значительная часть кажущихся сторонников власти, эксплицитно выражая поддержку режиму и подчиняясь ему, просто ждут удобного момента, осознавая прагматические аспекты собственного мнимого подчинения власти. Этим же людям в английском тексте решили с той же целью дискредитации, что и в русском переводе, назвать «лицемерами». В текстах переводов появляется осуждение «симулянтов», оказавшихся под воздействием доминирующего авторитета, но этого смысла нет в оригинале текста, где, скорее наоборот, хитрость противопоставляется слабости и беспомощности.

В-третьих, терминологическое разнообразие в переводах по отношению к базовым понятиям, начиная с названия третьей главы и заканчивая апелляцией к лояльности, в английском переводе явно преследует некие цели правового морализма. Вопрос о том, почему термин *Herrschaft*, близкий по смыслу в том числе термину «правление», переведен именно как «господство», объясняется тем, что юридической наукой воспринят буквальный перевод этого термина с немецкого языка. Вместе с тем политическое значение русского термина «господство», как нам представляется, может отражать острые классовые противоречия, проблемы со справедливостью и демократией на национальном уровне и придавать термину «господство» некоторую отрицательную коннотацию.

В то время как М. Вебер стремился к строго научному, нейтральному пониманию термина «господство» (нем. *Herrschaft*, англ. *domination*), значение русского слова «господство» сформировано политическими практиками, которые редко приводят к справедливым общественным отношениям между носителем власти и подвластными субъектами. В республиканской традиции либерализма термин «господство» (*domination*) создает явную угрозу либеральным ценностям, в то время как демократическое (легитимное) правление напротив обеспечивает справедливость внутри социальных институтов и свободу индивидов. Логика английского варианта перевода немецкого термина *Herrschaft* в определенной степени понятна; слово «легитимный», вынесенное в название, придает смысл демократического, основанного на законе правления. Осознавая, что демократия дает правовые основания для реализации власти класса господ — правителей, создающих свои как легитимные, так и нелегитимные законы, сторонники республиканской теории свободы, в том числе американский политолог Ян Шапиро (*Ian Shapiro*), обоснованно полагают, что «не-господство является наилучшим основанием для справедливости по сравнению с существующими альтернативами»³⁹.

³⁹ *Shapiro I. On Non-domination // The University of Toronto Law Journal. 2012. Vol. 62, no. 3. P. 293; Шапиро Й. О не-господстве // Логос: философско-литературный журнал. 2012. № 4 (88). С. 3.*

Из логики русского перевода рассмотренного фрагмента следует, что термин «подчинение» предлагается переводить как лояльность (англ. *loyalty*) или покорность (нем. *Fügsamkeit*). Корректность такого подхода вызывает определенные сомнения, так как сам М. Вебер не использует в этом случае немецкий термин *Loyalität* (лояльность), он, скорее, говорит о покладистости (следовании определенному укладу), что близко по смыслу к подчинению, но переведено в научной англоязычной литературе как лояльность (*loyalty* — сильное чувство поддержки или верности). Контент-анализ показывает, что термин *Loyalität* используется в оригинальном тексте работы шесть раз, в том числе в виде категории «доверие» (*Verkehrsloyalität*)⁴⁰, в то время как *Fügsamkeit* использовано 33 раза именно в контексте психологии политико-правового поведения подчиненной (обязанной) стороны. Надо полагать, что подчинение и лояльность не являются в полной мере тождественными понятиями, скорее легитимное подчинение может быть следствием лояльности.

Традиционная легитимация, бесспорно, может быть основана на формировании лояльности. Так, анализируя феодализм как во многом идеальную социальную среду для развития лояльности вассалов к господину, М. Вебер писал: «Война за честь господина отождествляется с собственной честью вассалов; расширение его власти становится возможностью обеспечения своего потомства ленами и прежде всего находит единственное легитимное основание для их собственного обладания ленами в сохранении его исключительно личного господства»⁴¹. Отмирание феодализма не изменило общей логики подчинения, которая всегда выстраивает идеологическую надстройку вокруг чисто экономической заинтересованности, будь то феодальные лены или неолиберальные монополии. Представляется, что популярность работы М. Вебера «Экономика и общество» определяется политической функциональностью и духом современной демократии, который отражен в описании всех прогрессивных социальных институтов.

Рациональная легитимация и правовое государство ассоциируются с экономической социологией М. Вебера в значительно большей степени, чем с юридической теорией К. Шмитта. Особенностью большинства посвященных проблеме легитимности эссе российских авторов является неизменное внимание к работам М. Вебера, к его концепции легально-рациональной легитимации власти, и такие работы редко анализируют взгляды К. Шмитта на легитимность. Столь пристальное внимание к работам М. Вебера вполне оправдано их политико-правовым значением, но вместе с тем его исследования не учитывают политический опыт середины XX в., ориентированы на протестантскую этику и опираются на достаточно узкое понимание рациональности правового авторитета в основе жизненного порядка.

О. Кирххеймер обоснованно интерпретирует работы М. Вебера в демократической традиции, хотя многие современные исследователи наследия М. Вебера полагают, что его труды нейтральны в вопросах политической идеологии. Нам, однако, представляется, что смысловое ядро правового морализма М. Вебера — либеральная идеология демократии, которая определяет основания для легитимности права и подчинения. Совсем иной подход к рациональности использует К. Шмитт, когда отождествляет легальность и легитимность, формируя концепцию

⁴⁰ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 475.

⁴¹ Вебер М. Феодализм, «сословное государство» и патримониализм. Патриархальное и патримониальное господство / пер. с нем. и коммент. А. Ю. Антоновского // Ойкумена: альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. 2011. Вып. 8. С. 233.

правового государства без демократии, так как видит во всяком плебисцитарном решении иррациональное начало. Выявленные О. Кирххеймером совпадения в этих двух подходах к легитимности отражают понимание причин установления демократии. Во-первых, последствия демократии — лишь одна из многих возможностей. Во-вторых, в действительности существуют два основных типа обоснования демократического правления: одно исходит из признания ценности свободы и равенства, другое полагается на объективный характер и базовую корректность решений, принимаемых демократическим путем. Радикальные подходы к демократии зависят от обоих типов аргументации⁴².

Уже после Второй мировой войны, рассуждая о легальности партизанского движения, К. Шмитт писал: «Партизан нуждается в легитимации, если он хочет держаться в сфере политического и не хочет упасть в сферу криминального... И генерал [Шарль] де Голль раньше часто говорил о традиционной и национальной легитимности и противопоставлял их республиканской легальности»⁴³. В поздних работах К. Шмитт признает значение легитимности в борьбе с формально легальным, но несправедливым публичным порядком, однако не отказывается от радикальной критики демократии, где «требования и ограничения для парламента не обращены на прямое волеизъявление народа, в отношении которого с древних времен известно, что народ не способен обсуждать и обдумывать»⁴⁴. Предметная критика либерализма и демократии, инициированная К. Шмиттом в работе «Понятие политического»⁴⁵, была достаточно высоко оценена современниками. Так, Лео Стросс (*Leo Strauss*) писал, что «критика либерализма, которую инициировал Шмитт... может быть завершена только тогда, когда удастся достичь горизонтов за пределами либерализма»⁴⁶.

В науке превалирует мнение, что проблема легитимности демократического политического режима не находится в центре социально-экономических исследований М. Вебера⁴⁷, вместе с тем кризис в мировой политике начала XX в. оказал значительное влияние на понимание концепции легитимности. Некоторые ученые отмечают, что М. Вебер рассматривал «возможность того, чтобы дополнить выделенные им три типа легитимного господства четвертым типом, основанным, по крайней мере формально, на воле управляемых. Однако он довольно быстро отказался от этой идеи»⁴⁸. Вполне возможно, что сам М. Вебер не придавал демократии особого значения. Вместе с тем, как мы показали, его работы оказались в самом центре юридического дискурса о демократии в первой половине XX в. Легитимность в значительно большей степени, чем легальность, подвержена политизации и неразрывно связана с демократическими процессами. Л. С. Мамут, справедливо полагая, что термин «легитимация» характеризует постоянный процесс, который обеспечивает легитимность социальной власти, отмечает значимость для

⁴² *Kirchheimer O.* Remarks on Carl Schmitt's Legality and Legitimacy. P. 64–100.

⁴³ *Schmitt C.* Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen. Duncker & Humblot, 1963.

⁴⁴ *Schmitt C.* Legalität und Legitimität. S. 64.

⁴⁵ *Schmitt C.* The Concept of the Political. Rutgers University Press, 1976.

⁴⁶ *Strauss L.* Anmerkungen zu Carl Schmitt, Der Begriff des Politischen // *Hobbes' politische Wissenschaft und zugehörige Schriften — Briefe / Hrsg. H. Meier, W. Meier.* Stuttgart: J. B. Metzler, 2008 (*Sozialwissenschaft und Sozialpolitik.* 1932. Vol. 67, no. 6. P. 732–749).

⁴⁷ *Eich S., Tooze A.* The Allure of Dark Times: Max Weber, Politics, and The Crisis of Historicism // *History and Theory.* 2017. Vol. 56, iss. 2. P. 197–215.

⁴⁸ *Масловский М. В.* Легитимность плебисцитарной демократии как теоретическая проблема социологии политики // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* 2009. Т. 1, № 4. С. 13–18; *Breuer S.* The Concept of Democracy in Weber's Political Sociology // *Max Weber, Democracy and Modernization / ed. by R. Schroeder.* London: Palgrave Macmillan, 1998. P. 2.

легитимности перманентно возобновляющегося убеждения «большинства общества в справедливости установления в стране государственности»⁴⁹.

Некоторые исследователи считают, «что смысловые составляющие легитимности, как это обычно бывает с субъективно-модальными значениями, взаимосвязаны, переплетены друг с другом»⁵⁰. Им можно возразить: законность и легитимность настолько взаимосвязаны, что субъективизм в этом вопросе может угрожать правому государству. Следует согласиться с мнением М. В. Антонова: «Одно дело — интуитивно чувствовать справедливость, другое — обосновать, аргументировать свое чувство, связать его с существующими нормами права, практикой их применения и с мировоззренческой основой этих норм»⁵¹. В процессе легитимации формальность, рациональность и справедливость норм права приобретают характер общезначимых и общеобязательных принципов.

Признавая, что теория «социальных полей» Пьера Бурдьё (*Pierre Bourdieu*), «аутопоэзис» Никласа Лумана (*Niklas Luhmann*), «жизненный мир» (*Lebenswelt*) Ю. Хабермаса основаны на взглядах М. Вебера, можно констатировать, что критический потенциал концепции легальности-легитимности К. Шмитта остался недооцененным. В то время как в традиционном обществе процесс легитимации господства носил характер внушения (суггестии) в результате перехода от сакрального к светскому пониманию государства и законов, легитимность якобы «стала приобретать рациональный характер»⁵², так как случилось то, что М. Вебер назвал «расколдовывание мира» (*Entzauberung der Welt*)⁵³. Однако остается открытым вопрос о том, насколько мифический характер носят сами идеалы свободы и демократии, которые внушаются мировому сообществу как рациональные.

Заслуживают некоторые критических замечаний представления о «формальной легитимности»⁵⁴, которая может сводиться к радикальному позитивистскому представлению о легальности. Проблема неправового закона состоит не в том, что «законы, будучи формально легитимными... не всегда получают поддержку населения»⁵⁵, а в несправедливости существа формальных норм, которые не могут быть легитимными ни в каком смысле, до тех пор пока их содержание не придет в соответствие с общими принципами права. Представление о том, что именно правоприменительная практика придает легитимность закону⁵⁶, вообще чревата системной несправедливостью в результате признания легитимными всех aberrаций в работе судебной власти.

Еще более сомнительным научным достижением представляется придание категории «легитимность» негативных смыслов за счет развития идеи обретения легитимности посредством противоправных или аморальных действий. Так, С. Н. Пшизова полагает, что «легитимность режима достигается с помощью манипулирования общественными настроениями, которое и выступает в качестве

⁴⁹ Мамут Л. С. Самоидентификация государства // Государство и право. 2012. № 7. С. 94.

⁵⁰ Ромашова И. П. Легитимность как когнитивно-прагматическая дискурсивная категория // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). С. 399.

⁵¹ Антонов М. В. Толкование и применение права как творческий процесс // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 4. С. 83.

⁵² Денисенко В. В. Легитимность норм в рациональных и иррациональных правовых системах // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2014. № 2. С. 51.

⁵³ Schluchter W. Die Entzauberung der Welt: Sechs Studien zu Max Weber. Mohr Siebeck, 2009. P. 7–10.

⁵⁴ Скачкова А. Е., Честнов И. Л. Легитимность нормативных правовых актов // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 3. С. 44–48.

⁵⁵ Клевцова Н. С. Легитимность закона и парламентские процедуры // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Юридические науки. 2014. № 4 (16). С. 98.

⁵⁶ Там же.

главного метода осуществления власти... В любом случае имеет место колонизация части государственного аппарата и использование его для обслуживания частных интересов правящей группировки»⁵⁷. Такое политологическое видение легитимности — результат общей недооценки исследований К. Шмитта в области легальности.

Юридическая концепция легитимности иногда приобретает новые утопические значения, в том числе открытого политического процесса с массовым и активным участием избирателей. Так, Д. А. Авдеев пишет: «Демократическая основа управления позволяет гражданам придавать легитимность органам публичной власти и принимаемым им решениям, целью которых является эффективное регулирование социальных процессов»⁵⁸. В вопросах доктринальной интерпретации легальности и легитимности следует проявлять значительную аккуратность, так как в зарубежной литературе наблюдается согласие в том, что при классической представительной демократии именно реальный носитель авторитета — харизматический, традиционный или формальный лидер элитарной группы внутри политического класса обеспечивает подчинение народа собственной политической воле и формальную законность собственных решений, а никак не наоборот.

Легитимность демократии и феномен неправового (несправедливого) закона в условиях неолиберализма отражают качество тех в разной степени демократических процедур, которые используются для легитимации изменений в общественной жизни. Профессор Принстонского университета Филипп Петтит (*Philip Noel Pettit*), анализируя проблему соотношения легитимности и справедливости, предлагает достаточно простой тест для проверки эффективности системы социального контроля над государством. Этот тест основан на общественном мнении граждан, которые при эффективной (легальной и легитимной) политике думают о непопулярных решениях со стороны правительства как о результате тяжелого стечения обстоятельств, а не воспринимают такие решения как несправедливую реализацию господства (доминирования) публичной власти. В республиканской теории свободы влияние людей на политику легитимного государства «должно быть не только равно доступным и безусловным, оно должно также быть эффективным на уровне обеспечения удовлетворения этого теста»⁵⁹.

Научный интерес к методам правового обоснования демократии как системы борьбы за власть внутри политического класса обусловлен рядом проблем философии права, среди которых: противоречия в понимании социальной справедливости между элитами и интеллектуальным средним классом, низкий уровень правовой культуры значительной части электората, дискредитация публичной власти в результате коррупционных проявлений, подчинение правовых институтов логике экономической рациональности и систематическая трудовая дискриминация. Очевидно, что все эти проблемы в легитимности правления отражаются на согласии подчиненных с существующими практиками и отношениями власти⁶⁰.

Легальность и легитимность политического режима в условиях правового государства становятся близкими по своему содержанию характеристиками качества и эффективности национальной демократии. Правовое государство предполагает

⁵⁷ Пшизова С. Н. Можно ли управлять демократией? // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 42.

⁵⁸ Авдеев Д. А. Легитимность публичной власти в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3, № 3. С. 107.

⁵⁹ Pettit P. Legitimacy and Justice in Republican Perspective // Current Legal Problems. 2012. Vol. 65. P. 59–61.

⁶⁰ Ачкасов В. А., Елисеев С. М., Ланцов С. А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 7–10.

высокий авторитет демократических институтов и процедур, гарантирующих взаимное понимание и доверие в правовом общении институтов гражданского общества с государственным аппаратом и структурами публичной власти⁶¹.

Легитимация власти политических лидеров, демократического режима и государственного устройства, вне всякого сомнения, происходит на разных уровнях правового сознания. Симпатия к личности политика достаточно часто приобретает характер иррационального исключения, а признание авторитета всенародного голосования и патриотические чувства к своей стране могут вступать в весьма драматические коллизии с нормами разумности и формального права, закрепленными в действующем законодательстве⁶². При правовой оценке конституционных реформ следует проверять все решения власти на предмет их соответствия очевидным легальным нормам, так как легитимность демократических практик и преобразований не всегда гарантирует легальность политического режима.

Заключение. Ввиду значительного научного внимания к трудам М. Вебера нет оснований подозревать, что в их переводах допущены ошибки или неточности, однако существует достаточно много аргументов в пользу того, что текст работы «Экономика и общество» может пониматься различным образом в зависимости от уровня правовой культуры читателя и его личных политических убеждений. Многогранность понимания легитимности в исследованиях М. Вебера определяется тем, что политически нейтральный текст позволяет читателю привносить в него свои интерпретации. При чтении работ К. Шмитта такой возможности нет, так как здесь научная позиция продиктована конкретным жизненным опытом и подвергалась трансформации с развитием исторического процесса.

Расхождение в легальности действий политических лидеров и легитимности их правления — вполне нормальная политическая практика, которая, впрочем, всегда будет предметом чисто юридической критики. Низкий уровень доверия к результатам демократических процедур может успешно сочетаться с логикой представления о плебисците как о наименьшем из возможных зол. Утрата гражданами государства доверия к доминирующей в стране идеологии влечет, как правило, драматические революционные события, изменяя представления в правовой и политической культуре о справедливости господства и политического режима.

Легитимность демократии определяется правосознанием граждан, участвующих в плебисците. Несправедливый нормативный акт, даже если он принят на референдуме, приобретает все свойства неправового закона, который формально обладает юридической силой, но не способен регулировать реальные общественные отношения либо в силу объективных дефектов правовых конструкций, заложенных в его основу, либо по причине отрицательного, «партизанского» отношения субъектов правоотношений к установленной норме права, которое во многом отражает логику классического веберовского оппортунизма в вопросе сопротивления подвластных индивидов и социальных групп нелегитимному господству.

Статья поступила в редакцию 19 октября 2018 г.;
рекомендована в печать 7 мая 2019 г.

⁶¹ *Beetham D.* The Legitimation of Power. London: Macmillan, 1991. P. 100–114.

⁶² *Shapiro K.* Politics Is a Mushroom: Worldly Sources of Rule and Exception in Carl Schmitt and Walter Benjamin // *Diacritics*. 2007. Vol. 37, no. 2/3. P. 121–134.

Legitimacy of democracy in the works by Max Weber and Carl Schmitt

Viktor P. Kirilenko, Georgy V. Alekseev

For citation: Kirilenko, Viktor P., Alekseev, Georgy V. 2018. Legitimacy of democracy in the works by Max Weber and Carl Schmitt. *Pravovedenie* 62 (3): 501–517. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu25.2018.305>

Identification of political regime's legality and legitimacy by the German lawyer Carl Schmitt seems to be an attempt to solve the problem of unjust laws which is close to the idea of legitimate domination stated by Max Weber. Popularity of the legitimacy paradigm within the framework of political and legal discourse on its way towards the provision of rational government is often associated with an underestimation of democratic charisma's role in legitimation when it is compared to the legal bureaucratic justification of government. Noting the fact that rationality is the most important and at the same time the least reasoned part of Max Weber's social theory, we need to assess the potential of the bureaucracy in securing the ideals of the rule of law with an extreme caution. If Carl Schmitt's position on the relationship between legality and legitimacy changed along with the development of political events of the 20th century, the ideas of Max Weber were modified during the translations of his works from German and gave to legitimacy deep textbook value. Decrease in chances of unjust law's application requires certain legal culture that allows not only to question any formal prescription of the law and to test it for legitimacy, but also gives an opportunity to assess the legality of any democratic decision before it is implemented. Understanding the legitimacy of democracy depends largely on the ideology that dominates society, and the legal culture of the person that assesses the political regime. It is obvious in the context of political mistakes made during the first half of the twentieth century that the danger of underestimating the threats to the rule of law, originating both from illegitimate authorities and from unlawful political decisions. Historical experience underscores the need for a broad understanding of the rule of law state (Rechtsstaat) in a modern democracy, which simultaneously protects the formal legality and legitimacy of the political regime.

Keywords: justice, legality, rule of law, government, motivation, domination, loyalty.

References

- Achkasov, Valeriy, Yeliseyev, Sergey, and Lantsov, Sergey. 1996. *Legitimation of Power in Post-Socialist Russian Society*. Moscow, Aspect Press Publ. (In Russian)
- Antonov, Mikhail. 2016. Interpretation and application of law as a creative process. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk* 4: 74–86. (In Russian)
- Avdeyev, Dmitriy. 2017. The legitimacy of public authority in Russia. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya* 3 (3): 99–112. (In Russian)
- Barnard, Frederick. 2001. *Democratic Legitimacy: Plural Values and Political Power*. McGill-Queen's University Press.
- Beetham, David. 1991. *The Legitimation of Power*. London, Macmillan.
- Breuer, Stefan. 1998. The Concept of Democracy in Weber's Political Sociology. *Max Weber, Democracy and Modernization*. Ed. by R. Schroeder. London, Palgrave Macmillan: 1–13. https://doi.org/10.1007/978-1-349-26836-8_1
- Denisenko, Vladislav. 2014. Legitimacy of norms in rational and irrational legal systems. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo* 2: 41–51. (In Russian)
- Derman, Joshua. 2012. *Max Weber in Politics and Social Thought: From Charisma to Canonization*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Eich, Stefan, and Tooze, Adam. 2017. The Allure of Dark Times: Max Weber, Politics, and The Crisis of Historicism. *History and Theory* 56 (2): 197–215. <https://doi.org/10.1111/hith.12014>
- Emden, Christian. 2014. Max Weber in Politics and Social Thought: From Charisma to Canonization. *German History* 32 (3): 486–487. <https://doi.org/10.1093/gerhis/ghu006>

- Fantuzzo, John. 2015. A Course Between Bureaucracy and Charisma: A Pedagogical Reading of Max Weber's Social Theory. *Journal of Philosophy of Education* 49 (1): 45–64. <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12095>
- Habermas, Jürgen. 1973. *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt a/M., Suhrkamp.
- Kadane, Matthew. 2014. Joshua Derman. Max Weber in Politics and Social Thought: From Charisma to Canonization. *The American Historical Review* 119 (2): 486–487. <https://doi.org/10.1093/ahr/119.2.486>
- Kalyvas, Andreas. 2009. *Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Kelly, Duncan. 2003. *The State of the Political: Conceptions of Politics and the State in the Thought of Max Weber, Carl Schmitt, and Franz Neumann*. Oxford, Oxford University Press.
- Kelsen, Hans. 1929. *Vom Wesen und Wert der Demokratie*. Tübingen, J. C. B. Mohr.
- Kirchheimer, Otto. (1932) 1967. *Politische Herrschaft. Fünf Beiträge zur Lehre vom Staat*. Frankfurt a/M., Suhrkamp.
- Klevtsova, Nataliya. 2014. Legitimacy of the law and parliamentary procedures. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Yuridicheskiye nauki* 4 (16): 94–101. (In Russian)
- Mamut, Leonid. 2012. Self-identification of the state. *Gosudarstvo i parvo* 7: 92–95. (In Russian)
- Maslovskiy, Mikhail. 2009. Legitimacy of a plebiscite democracy as a theoretical problem of sociology of politics. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* 1 (4): 13–18. (In Russian)
- Neumann, Franz. 1953. *The Concept of Political Freedom*. *Columbia Law Review* 53 (7): 901–935.
- Pettit, Philip. 2012. Legitimacy and Justice in Republican Perspective. *Current Legal Problems* 65 (1): 59–82. <https://doi.org/10.1093/clp/cus016>
- Pettit, Philip. 2012. Freedom in Hobbes's Ontology and Semantics: A Comment on Quentin Skinner. *Journal of the History of Ideas* (73) 1: 111–126. <https://doi.org/10.1353/jhi.2012.0008>
- Polyakov, Andrey. 2015. The recognition of law and the principle of formal equality. *Pravovedenie* 6 (323): 57–77. (In Russian)
- Pshizova, Susanna. 2014. Is it possible to manage democracy? *Polis. Political studies* 1: 28–44. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.01.03> (In Russian)
- Romashova, Inna. 2013. Legitimacy as a cognitive-pragmatic discursive category. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 31 (322): 390–401. (In Russian)
- Roshchin, Yevgeniy. 2006. History of Quentin Skinner's concept. *Polis. Political studies* 3: 150–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.03.12> (In Russian)
- Rozov, Nikolay. 2014. Principles and criteria for the legitimacy of the post-revolutionary government. *Polis. Political studies* 5: 90–107. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.07> (In Russian)
- Schäfer, Armin. 2008. *Krisentheorien der Demokratie Unregierbarkeit, Spätkapitalismus und Postdemokratie*. Köln, Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung.
- Scheuerman, William (ed.). 1996. *The Rule of Law under Siege: Selected Essays of Franz L. Neumann and Otto Kirchheimer*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press.
- Schluchter, Wolfgang. 2009. *Die Entzauberung der Welt: Sechs Studien zu Max Weber*. Mohr Siebeck.
- Schmitt, Carl. 1932. *Legalität und Legitimität*. München, Duncker & Humblot.
- Schmitt, Carl. 1976. *The Concept of the Political*. Rutgers University Press.
- Schmitt, Carl. 1963. *Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen*. Duncker & Humblot.
- Schmitt, Carl. 2016. *The Concept of the Political*. Rus. Ed. St. Petersburg, Nauka Publ.
- Shapiro, Ian. 2012. On non-domination. *Logos: filosofsko-literaturnyy zhurnal* 4 (88): 3–35. (In Russian)
- Shapiro, Ian. 2012. On Non-domination. *The University of Toronto Law Journal* 62 (3): 293–335. <https://doi.org/10.3138/utlj.62.3.293>
- Shapiro, Kam. 2007. Politics Is a Mushroom: Worldly Sources of Rule and Exception in Carl Schmitt and Walter Benjamin. *Diacritics* 37 (2/3): 121–134. <https://doi.org/10.1353/dia.0.0031>
- Sica, Alan (ed.). 2016. *The Anthem Companion to Max Weber*. Anthem Press.
- Skachkova, Anna, and Chestnov, Ilya. 2017. Legitimacy of normative legal acts. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* 3: 44–48. (In Russian)

- Specter, Matthew. 2017. Grossraum and Geopolitics: Resituating Schmitt in an Atlantic Context. *History and Theory* 56 (3): 398–406. <https://doi.org/10.1111/hith.12028>
- Strauss, Leo. 2008. Anmerkungen zu Carl Schmitt, Der Begriff des Politischen. Meier H., Meier W. (eds) *Hobbes' politische Wissenschaft und zugehörige Schriften, Briefe*. Stuttgart, J. B. Metzler: 217–242. https://doi.org/10.1007/978-3-476-00349-2_4
- Truong, Nhu. 2017. Institutions Without Belief: Incalculability and Legitimate Domination Under the Chinese Communist Party. *Asian Politics & Policy* 9 (4): 636–645. <https://doi.org/10.1111/aspp.12351>
- Weber, Max. 1968. *Economy and Society*. Vols. 1–3. New York, Bedminster Press.
- Weber, Max. 2011. Feudalism, “estate state” and patrimonialism. Patriarchal and patrimonial domination. Translation and comments by A.Yu. Antonovsky. *Oikumena: Almanac of comparative studies of political institutions, socio-economic systems and civilizations* 8: 225–255. (In Russian)
- Weber, Max. 2016. *Economy and Society: Essays on Understanding Sociology*. Rus. ed. In 4 vols; Transl., ed. and foreword by L. G. Ionin. Moscow, Higher School of Economics.
- Weber, Max. (1919) 1992. *Politik als Beruf*. Reclam.
- Weber, Max. 1994. *Weber: Political Writings*. Ed. by P. Lassman, transl. by R. Speirs. Cambridge, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511841095>
- Weber, Max. 1922. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, Mohr.
- Wheatley, Steven. 2011. A Democratic Rule of International Law. *The European Journal of International Law* 22 (2): 525–548. <https://doi.org/10.1093/ejil/chr022>
- Wheatley, Steven. 2010. *The Democratic Legitimacy of International Law*. Oxford, Hart Publishing.

Received: October 19, 2018

Accepted: May 7, 2019

Viktor P. Kirilenko — Dr. Sci., Prof., North-West Institute of Management. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 57/43, Sredniy pr., St. Petersburg, 199178, Russia; v.vaas@yandex.ru

Georgy V. Alekseev — PhD, Associate Prof., North-West Institute of Management. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 57/43, Sredniy pr., St. Petersburg, 199178, Russia; deltafox1@yandex.ru